

Роден Огюст

Искусство

Ряд бесед, записанных П. Гзелль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-36

Огюст Р.

О-36 Искусство: Ряд бесед, записанных П. Гзель / Роден Огюст – М.: Книга по Требованию, 2025. – 239 с.

ISBN 978-5-519-80898-9

ISBN 978-5-519-80898-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вблизи Мёдона, въ маленькой деревушкѣ Валь-Флѣри, раскинулась на холмѣ группа живописныхъ построекъ. Сейчасъ догадываешься, что онѣ принадлежатъ художнику, такъ онѣ ласкаютъ глазъ.

И дѣйствительно, здѣсь поселился Огюсть Родэнъ.

Домъ его въ стилѣ Людовика XIII изъ красного кирпича и сѣраго камня, съ высокой, острой крышей.

Рядомъ съ домомъ большое круглое зданіе съ портикомъ на колоннахъ. Въ этомъ зданіи помещались произведенія Родэна на Всемирной выставкѣ 1900 года, и оно такъ полюбилось ему, что онъ перенесъ его въ Мёдонъ и устроилъ тамъ свою мастерскую.

Немного поодаль, у самой кручи, виднѣется замокъ XVIII вѣка, по настоящему — только фасадъ

замка: виденъ прекрасный порталъ съ рѣшеткой изъ кованаго желѣза и надъ нимъ трехъугольный фронтонъ.

Эти разнообразныя постройки разсыпаны среди идиллическаго сада. Трудно найти въ окрестностяхъ Парижа болѣе плѣнительный пейзажъ. Мѣстность сама по себѣ живописна, а утонченный вкусъ художника, двадцать лѣтъ работающаго здѣсь, сдѣлалъ ее еще прекраснѣе.

* *
*

Въ прошедшемъ году, гуляя съ Родэномъ подъ сѣнью деревьевъ его прелестнаго сада, въ свѣтлый майскій вечеръ, я высказалъ ему желаніе записать его взгляды на искусство. Онъ улыбнулся.

— Что вы за чудакъ! — воскликнулъ онъ. — Неужели вы еще интересуетесь искусствомъ? Вѣдь это совсѣмъ не современно.

Въ наше время художники и любители искусства—вродѣ ископаемыхъ. Представьте себѣ мегатериума или диплодокуса, гуляющихъ по улицамъ Парижа. Вотъ впечатлѣніе, которое мы производимъ на нашихъ современниковъ.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ инженеровъ и заводчиковъ, художникамъ нѣтъ въ немъ мѣста.

Въ нынѣшней жизни все стремится къ полезному: все направлено на улучшеніе матеріальныхъ условій: наука ежедневно изобрѣтаетъ новые приемы питать, одѣвать и перевозить насъ: она дешево производитъ плохіе продукты, чтобы доставить все большему числу людей низкопробныя насла-

жденія: правда, въ то же время совершенствуется все, что служитъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей.

Но гдѣ же духовное начало? Гдѣ мысли, мечты? До нихъ никому дѣла нѣтъ. Искусство погибло.

Искусство есть созерцаніе. Это удовлетворенность духа, проникающаго природу и отгадывающаго и въ ней духовное начало. Это восторгъ ума, который разбирается во вселенной и возсоздаетъ ее, озаряя сознаниемъ. Искусство—высочайшее призваніе человѣка.

Но въ наши дни люди полагаютъ, что могутъ обойтись безъ искусства. Не хотятъ больше вдумываться, созерцать, грезить; ищутъ только физическихъ наслажденій. Возвышенныя и глубокія истины никого не затрагиваютъ: было бы чѣмъ удовлетворить тѣлесныя вожделѣнія; современное человѣчество поработщено животными инстинктами. На что ему художники?

Искусство немыслимо безъ вкуса. Вкусъ—улыбка человѣческой души на самыхъ обыденныхъ предметахъ, на домашнемъ обиходѣ и на обстановкѣ... Вкусъ—изящество мысли и чувства во всемъ, что служитъ человѣку. Но кто въ наше время испытываетъ потребность обставить себя со вкусомъ? Когда-то, въ старой Франціи, искусство было вездѣ. Послѣдній буржуа, даже крестьянинъ окружалъ себя вещами, пріятными глазу. Стулья, столы, кухонная утварь, кувшины, все было красиво. А въ наше время искусство изгнано изъ повседневной жизни. Нашъ лозунгъ: полезное

не должно быть красивымъ. Все уродливо, все сфабриковано наскоро, безъ изящества, тупоумными машинами. Художникъ—это врагъ.

А вы, милый Гзелль, хотите записать мечты художника? Дайте на себя посмотрѣть: по истинѣ, вы необыкновенный человѣкъ!

— Я прекрасно знаю, сказалъ я, что въ наше время искусство мало кого интересуетъ. Но я хочу, чтобы эта книга была протестомъ противъ нынѣшнихъ вѣяній. Я хочу, чтобы вашъ голосъ пробудилъ нашихъ современниковъ, чтобы они поняли, какое творятъ преступленіе, пренебрегая лучшей частью нашего національнаго достоянія: безграничной любовью къ искусству и красотѣ.

— Да услышатъ васъ боги! промолвилъ Родэнь.

* * *

Мы идемъ вдоль мастерской. Подъ перистилемъ собрано нѣсколько образцовъ античной скульптуры. Небольшая полузавѣшанная весталка красуется противъ важнаго оратора въ тогѣ, а неподалеку отъ нихъ Амуръ гарцуетъ на морскомъ чудищѣ. Среди этихъ фигуръ возвышаются двѣ прелестныя коринскія колонны съ розовыми мраморными стволами. Вся коллекція говоритъ о благоговѣйномъ отношеніи хозяина къ Греціи и Риму.

У глубокаго бассейна дремлютъ два прекрасныхъ лебедя. Завидя насъ, они вытягиваютъ свои длинныя шеи и злобно шипятъ.—Какая глупая птица—лебедь, говорю я.

РОДОН. ЕВА.

— Ея линіи умныя, и этого достаточно, возражаетъ, смѣясь, Родэнъ.

По временамъ сквозь деревья виднѣются небольшіе, круглые, мраморные жертвенники, украшенные гирляндами и бюкранами. Въ бесѣдкѣ, увитой легкой зеленью софоры, молодой Митра, безъ

головы, закалывасть священнаго быка. На перекресткѣ Эросъ спить на львиной шкурѣ. Сонъ побѣдилъ побѣдителя дикихъ звѣрей.

— Не кажется-ли вамъ, спросилъ Родэнъ, что зелень самая подходящая рамка для античной скульптуры?

Развѣ не скажешь, глядя на маленькаго спящаго Эроса, что онъ божество этого сада? Его

пухленькое тѣло точно сродни прозрачной, роскошной листвѣ. Греческіе художники такъ любили природу, что ихъ произведенія купаются въ ней, какъ въ родной стихіи.

Замѣьте этотъ ходъ мысли. Обыкновенно статуи служатъ украшеніемъ для сада, Родэнъ же находитъ, что садъ служить украшеніемъ для статуй: для него всё должно подчиниться природѣ, которая безконечно совершенна.

Греческая амфора изъ розовой глины покоится на землѣ, прислоненная къ кусту буксуса. Она, вѣроятно, вѣками спала на днѣ морскомъ: въ нее врѣзались тонкимъ кружевомъ прелестныя вѣточки коралловъ.

Она будто случайно брошена, а между тѣмъ какъ нельзя болѣе здѣсь у мѣста: естественность— послѣднее слово искусства.

Дальше намъ попадаетъ изящный торсъ Венеры. Грудь ея прикрыта платкомъ, завязаннымъ на спинѣ. Невольно думаешь о какомъ-нибудь Тартюфѣ, стыдливо прикрывающемъ прелести, до которыхъ онъ слишкомъ падокъ.

«Такіе предметы уязвляютъ душу

«И на умъ приходятъ грѣшныя мысли... (Мольеръ).

Но Родэнъ, конечно, не изъ породы Тартюфовъ. Онъ самъ объясняетъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Я прикрылъ грудь этой статуи, потому что она хуже остального.

Онъ отпираетъ калитку, и мы выходимъ на герассу, гдѣ онъ выстроилъ тотъ фасадъ, о которомъ была рѣчь.

Вблизи, архитектурныя линіи еще благороднѣе. Восемь ступеней ведутъ къ монументальному портику; фронто́нъ покоится на колоннахъ, и на немъ изваяна *Θемида*, окруженная амурами.

— Когда то, сказалъ мнѣ Родѣнъ, этотъ чудный замо́къ стоялъ на склонѣ сосѣдняго холма. Я часто любовался имъ, проходя мимо. Потомъ какіе-то аферисты купили землю и сломали его.

Глаза его метнули молніи.

— Вы не можете себѣ представить, съ какимъ ужасомъ я смотрѣлъ на это преступленіе. Сломать это великолѣпное зданіе!

Мнѣ казалось, что эти злодѣи рѣжутъ на куски прекрасную, непорочную дѣвушку!

Прекрасную дѣвушку! Родѣнъ произноситъ эти слова съ глубокимъ благоговѣніемъ. Такъ и чувствуешь, что для него упругое, бѣлое тѣло молодой дѣвушки послѣднее слово творенія, чудо изъ чудесъ!

— Я попросилъ этихъ святотатцевъ, продолжаетъ онъ, не разбрасывать матеріаловъ, а продать ихъ мнѣ, и велѣлъ перенести камни сюда и кое какъ собрать ихъ.

Къ несчастью, вы видите, что я успѣлъ возвести всего одну стѣну.

Дѣйствительно, чтобы доставить себѣ немедленно высокое художественное наслажденіе, Родѣнъ не пошелъ по обычному, логическому пути. Онъ не возвелъ одновременно всѣхъ частей зданія, а ограничился однимъ фасадомъ. Черезъ рѣшетку входной двери виднѣется только утрамбованная

земля и ряды сложенныхъ камней, которые намѣчаютъ будущій планъ постройки.

Замокъ для глазъ... замокъ художника...

— Поистинѣ, бормочетъ Родэнъ, эти старые архитектора были настоящими людьми!.. Особенно въ сравненіи съ ихъ недостойными преемниками!

Съ этими словами онъ увлекаетъ меня въ ту сторону, откуда лучше виденъ каменный фасадъ.

— Посмотрите, говоритъ онъ, какъ стройно этотъ силуэтъ вырѣзывается на серебристомъ небѣ и какъ смѣло онъ властвуетъ надъ красивой долиной у нашихъ ногъ.

И вотъ онъ погружается въ экстазъ.

Влюбленнымъ взоромъ онъ обнимаетъ постройку и пейзажъ.

Передъ нами разстилается необозримое пространство. Вотъ Сена: она быстро несется къ массивному Севрскому мосту, образуя серебряную петлю; рядъ высокихъ тополей отражается въ ней. Дальше бѣлая колокольня Сен-Клу прислоняется къ изумрудному холму, а тамъ голубоватая высота Сюрена и Мон-Валерьяна, подернутая сказочной дымкой.

А направо колоссальный Парижъ до самаго неба раскидываетъ узоръ своихъ неисчислимыхъ домовъ, такихъ крошечныхъ издали, что, казалось бы, они помѣстятся на ладони: Парижъ, великое и чудовищное видѣніе, гигантское горнило, въ которомъ безъ усталости и безъ разбора кипятъ радости, страданія, живыя силы, лихорадочное стремленіе къ идеалу!
